

ПОЭЗИЯ

В стране родной...

Вера Артюхина

В Костроме

На севере не прорастёт лоза
за летний миг, скончавшийся убого.
Поднимешь к небу зрячие глаза,
а чёрных птиц там, господи, как много!

Любовный луч среди камней мелькнёт
и спрячется, ненужный, торопливо.
Я о любви всё знаю наперёд,
и не до жиру нынче – быть бы живу.

О господи, как много ветхих душ,
истлевших раньше, чем истлеет тело.
Как много ртов, несущих злую чушь,
твердящих: это чёрное – о белом.

В убогом мире человек разъят,
а жив, пока блюдёт повадки стада.
Ни памяти, ни совести не надо,
здесь не поймут взыскующего града.
...Ворует вор. Колокола звонят...

* * *

Разношёрстна небесная рать.
Я ж не знаю: кто жив, а кто – мёртвый.
И не время уже различать...
Жизнь-монетка тускла и потёрта.
Кровь толчками в горячей аорте.
Жить – тоскуя, любя – умирать...

Вышел месяц, естественно, вынул...
Наши мёртвые нас не покинут.
Мы мучительной жизнью умрём.
Об отце помолюсь и о сыне.
Кто живее?.. не будем о том.
Где он, дом? Может, в небе наш дом.

Но оставим семейные треня.
Вырастала судьба пьяной тенью
с матерком на спесивых губах...
Я не знала ни лжи и ни лени,
не водил меня за руку страх, –
и не смял окончательный крах.

А теперь в невесомой Казани
мне отрадно любое касанье
глупой жизни и скорби её.
И не радуется, и не ранит,
и значительным фактом не станет
ни молчанье, ни слово – ничьё.

Всё равно кто живой, а кто мёртвый.
Сдобный хлеб или чёрный и твёрдый,
будет день или ночь без конца.
Кто бы ни был: униженный, гордый,
а уткнёшься глупейшею мордой
в непостижную тайну Творца...

* * *

Всех потерь не вмещает тетрадь.
Велика твоя, Господи, милость.
Разучилась бояться терять.
О потерях жалеть разучилась.

Что моё, то пребудет со мной –
в небесах, на земле и в остроге.
Звуки, запахи, строфы и строки,
и души нестандартный покрой.

Я б и с этим рассталась шутя.
В тишине, темноте – даже лучше.
Только видишь, Господь, – спит дитя...
вот его, умоляю, не мучай.

Привет, Февраль!.. Твои снега родные
нежнее и утешнее стократ
тех слов, что мне уже не скажет брат,
поскольку братья – под землёй лежат,
в заморских землях прижились иные.

Всё хорошо, мой белоснежный друг,
под скрип шагов, с тобой, не в одиночку,
стихов молочных выпевая строчки,
идти домой, к любимому сыночку,
а ты во мне и вне, Февраль, – вокруг...

Ах, ничего, – ведь я в краю родном!
Ах, ничего, что здесь я отщепенка...
Ты мне такую песенку протренировал
под утренние золотые гренки,
что стих будильник, замурлыкал дом.

Ах, ничего, что этот дом чужой,
ах, ничего, что жизнь подходит к краю.
В стране родной, как странница, шагаю.
...Как странно в ней, и – я её не знаю.
Но хорошо – не знаю и другой.

Пока, Февраль, пока. Пока живу.
Пока метёшь так нежно, страшно, вьюжно.
Пока я здесь, мне ничего не нужно.
Оставлю сыновей стране бездушной.
Да что с того – рожали и в хлеву...

Пока живу, и есть где спать, что есть.
А Иродов во все века не счесть.

Моё имя

Не разыгрывать драму в лицах.
Умирать – так набело, да ведь?
Не задумано репетиций...
Потому – взлечу, словно птица.
Этому-то не надо учиться.
Как и тому, чтобы всё оставить.

Из губ твоих выпорхнуло моё имя.
Вот ему вслед я бы и полетела.
Я б его вдохнула, да оно – мимо.
Мимо рук желанных. Мимо глаз любимых.
Мимо сыновей, Романа и Димы...
Что такое оставить родное тело?

Что такое оставить и своё тоже?
Я же им любила и детей рожала.
С ним делила жизнь пополам всё же.
Научилась слышать его кожей.
Что же я без тела, Господи Боже!
Ни птица, ни баба – одна жалость.

А имя, что выпорхнуло, вдруг запело.
Никакого дела ему, что без тела
ни в дому прибрать, ни носить платья,
ни войти, как в воду, в твои объятия...
Ничего не будет, да и не надо.
Что ему, блаженному? Песне радо.

Разговор с сыном

Ну, вот и зима, настоящая, пышная снегом,
И всё как положено: жёсткий, колючий мороз.
И пристально слишком глядит с высоты это небо.
И я понимаю: теперь это точно всерьёз.

Оно б ничего, только путь до жилья как осилить?
В котомке дорожной не хлеб, а одни сухари.
Да рядом малец. Ничего, мой любимый, мой милый.
Не бойся, не стой, не хандри, не завидуй, не ври.

Оно несомненно, что правда – жестокая matka.
Так ведь не продашь, не сменяешь её на рубли.
А души при нас. Значит, всё будет в полном порядке.
Не сетуй на холод, на молот, и Бога не зли.

Смотри: одиночество – ровное, чистое поле.
Налево, направо иль прямо? Фигня, снова!
Не важно – куда, пусть не так говорили вам в школе.
А самое главное – как. Остальное – слова...

Характер отца словно нож мне вошёл под лопатку.
Дыханья горячего чувствуешь правду и жар?
Мешал прогибаться вонзённый мне по рукоятку...
Вот этот от предков и примешь из рук моих дар.

Эпоха

10

Просыпайся, золотой щенок,
вставай, утро в колхозе.
Кончилось детство, началась проза.
Чувствуешь поводок?..
И у тебя теперь есть заботы.
А я уже пошла на работу:
пережить в офисе знойное лето,
забить на беды и делать газету.

Умер бывший фронтовик –
за два дня до получения квартиры.
Спи, артиллерист, с миром!
Ты ко всему привык..
Тебе уже ничего не надо.
Ты в двух шагах от сада иль ада.
А детям твоим объяснит чиновник:
квартира – тю-тю, ибо ты покойник.

Жалюзи рваные ветер полощет,
всё и все нынче – про жилплощадь.
Актуальней нет на сегодня брэнда –
и у меня кончается договор аренды.

Пришёл одинокий мужик,
глазами: вжик-вжик!..
Предлагает статью в газету,
сам думает только «про это».
Говорит, жарко, в озоне – дыры,
говорит, нет у меня квартиры,
а то предложил бы тебе руку.
Ушёл бы скорей, не хочу скуку.

Не хочу замуж, не хочу славы,
но хочу квартиру, но хочу державу,
чтобы не было за неё обидно.
Ни того, ни этого вблизи не видно.
Ни того, ни этого и вдали нету,
только с неба жаркие ливни света.
Как любовь, жаркие: слева, справа..
Бог, ты, что ли, у нас главный?

Ты в порядке? Или давно в коме?
Я надеюсь, хоть ты у себя в доме.
...А я нажила вокзальный синдром.
У меня вместо сердца – аэродром.
Так и живу в грохоте невыносимом..
Да нет, я тебя ни о чём не просила!

Сегодня день тянется дольше,
Может, затем, чтоб я успела больше,
может, затем, чтоб я упала дальше,
не хочу правды, не выношу фальши...

Но хочу думать, что не всем плохо,
я скажу: бардак, кто-то скажет: эпоха.

Мираж

Не болит отмоленное сердце
ни в жаре под сорок, ни в беде.
Счастье длительностью десять терций*
может стать соломинкой в судьбе.

За него покрепче ухватиться –
выплывешь. Смотри, на берегу
звери, куропатки и жар-птица
солнцем ослепительным в снегу.

Это сад иль только призрак сада?
Да и дом прикинется родным...
Сыновья стоят друг с другом рядом
и с отцом, навечно молодым.

Не смотри туда, тебе не надо.
Не маши в ответ, не видно им,
это призрак дома, призрак сада,
это с яблонь белый-белый дым...

* * *

По дому и любви до спазмов голодая,
мученья снов и слов косичкой заплетая,
сегодня я проснусь смиренная, немая.
Пусть дни мои с песком по пустырю летят.

Я разведу костёр из дневников – их много,
и пусть они горят, как память прошлых лет.
Куплю смешной шезлонг и сяду у порога,
с заботой одной – не проворонить смерть.

Я сяду на закат, на лик его прелестный,
душе дарящий грусть, душе дарящий свет.
Но только... а куда ж поставить это кресло?
Ни дома, ни любви и места креслу нет.

---

* Терция – одна шестидесятая секунды.